

мов, основной причиной этой общности для анализируемых арго следует признать генетическое тождество, т. е. общность происхождения самих арго.

В специальной литературе находим различные мнения о путях, месте и времени заимствования греческих слов славянскими арго. Наиболее значительны расхождения в определении времени получения основной массы арготизмов в русские (восточнославянские) арго. Нами высказано мнение, что возникновение условной речи у восточных славян можно отнести к XIV—XV векам, поскольку в этот период Северо-Восточная Русь становится центром активных сношений с иностранными государствами, в том числе и с Византией. О. Горбач (1971) и другие отодвигают время греческих включений в русские арго (см. Горбач, 1971, с. 140) на два столетия позже. Думается, что есть необходимость четче различать вопросы о времени возникновения основного фонда грецизмов и времени их широкого распространения в составе арго на других территориях. Наиболее благоприятным периодом возникновения офенского языка («суздальского наречия») и его ближайших украинских и белорусских родственных арго был период XIV—XV вв. В это время могли быть получены основные грецизмы восточнославянских арго. Распространение раннего фонда грецизмов (как и других арготизмов) на новые арго (в том числе и польские) могло произойти в более поздние века.

Дальнейшее, более тщательное, исследование арготических изолексов в синхронном и диахроническом аспектах поможет решить вопросы, связанные с проблемой происхождения и контактирования социальных диалектов славянских языков.

В. И. Дегтярев

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТИПА ИМЕН СОБИРАТЕЛЬНЫХ НА -AD В СЕРБОХОРВАТСКОМ И СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

Актуальным направлением современной этимологии как отрасли сравнительно-исторического языкознания является этимологизация грамматических форм и словообразовательных типов. Задачи, выдвигаемые этим направлением, естественно побуждают исследователя к поискам такой методики этимологического анализа, которая была бы максимально приближена к свойствам исследуемых объектов, учитывала бы специфику грамматического абстрагирования, в частности, системно обусловленный, обобщенный и универсальный характер грамматических категорий, отличающий грамматические значения от лексических.

Наблюдения над диахроническими процессами в грамматике позволяют заключить, что образование новых грамматических

форм основывается на внутренних, системно-структурных связях (парадигматических отношениях) и в определенных конкретных случаях может быть результатом заполнения «пустующей клетки» — когда сложившаяся грамматическая функция находит в наличных средствах языка адекватное формальное выражение на основе существующей системы. На этом принципе может быть построена методика этимологического анализа грамматических форм. Применяв правило заполнения «пустующей клетки» как механизма образования грамматической формы, попытаемся объяснить происхождение типа имен собирательных ж. р. на *-ad*, продуктивного в современном сербохорватском языке в функции формы мн. ч. от имен ср. р. на *-e* типа *ждрёбе* 'жеребенок', род. п. *ждрёбета* — *ждрёбад* 'жеребята', *јагње* 'ягненок', род. п. *-ета* — *јагњад* 'ягнята', *ја̀ре* 'козленок', *-ета* — *ја̀рад* 'козлята', *зѣче* 'зайчонок', *-ета* — *зѣчад* 'зайчата', *кѝзле* 'козленок', *-ета* — *кѝзлад* 'козлята', *ла̀не* 'молодая серна, козочка, олененок', *-ета* — *ла̀над* 'молодые серны, оленята', *па̀шче* 'шенок', *-ета* — *па̀шчад* 'щенята', *па̀ле* 'цыпленок', *-ета* — *па̀лад* 'цыплята' и т. п. Имена собирательные на *-ad* употребляются также и в словенском языке, например: *jagnjad* 'ягнята' (*jagnje* 'ягненок'), *kurjad* 'домашняя птица' (*kure*), *otročad* 'детвора' (*otročje*), *perjad* 'птица', *prasad* 'поросята' (*prase*), *srnjad* 'детеныши серны, косули' (*srne*), *vnučad* 'внуки' (*vnuče*) и т. п., хотя в словенском языке они менее активны, чем в сербохорватском.

Производящими основами этого типа служат главным образом имена существительные, обозначающие молодые или мелкие живые существа — молодежь, детей, подростков, обобщенно характеризующихся по определенному признаку, качеству, состоянию, отношению, принадлежности, например с.-хорв. этнические имена собирательные: *арапчад* 'молодые арабы' (*арапче* 'молодой араб'), *грчад* 'молодые греки' (*грче* 'молодой грек, ребенок'), *латинчад* 'молодые итальянцы' (*латинче* 'ребенок итальянец'), *турчад* 'молодые турки' (*туре* 'молодой турок') и т. п., ср. также *девојчад* 'девчата' (*девојче* 'девочка'), *мѝмчад* 'ребята, парни' (*мѝмче* 'мальчик'), *па̀стирчад* 'пастушки' (*па̀стирче* 'пастушок') и т. п.; молодых животных, детенышей (типичные примеры указаны выше); растения, например: *бу̀јад* 'род папоротника', *па̀прад* 'папоротниковые'; предметы, например: *бу̀рад* 'бочки' (*бу̀ре*, *-ета* 'бочка'), *дрѝвад* 'дрова, поленья', *па̀рчад* 'куски, осколки, черепки' (*па̀рче*, *па̀рчета* 'кусок, осколок') и т. п. На втором месте, значительно уступая по численности, стоят образования от основ прилагательных в субстантивных значениях, например: *дѝвад* 'дикие растения', *живчад* 'живность', в том же значении — собир. *живча* и *живеж*, *ју̀над* 'молодняк рогатого скота' (*ју̀не*, *-ета* 'телушка или бычок', словен. (в обобщающе-собирательном смысле) *divjad*, *drobnjad*, *junad*, *kislad*, *starad*, *suchljad*, *zelenjad* и т. п. Реже собирательные на *-ad* образуются от основ глаголов, числительных, местоимений. Широкий словообразовательный диапазон этого типа отражает обобщенно-качественный характер собирательных

значений, собирательной множественности как общего типа предметно-логического содержания класса однородных образований.

Из статистической таблицы, которую приводит В. Франчиц в своем описании словообразования имен собирательных в современном сербохорватском языке¹, следует, что основная масса существительных этого типа идет от субстантивных основ на *-e*, т. е. связана с деминутивами на **-et-*. Очевидно, эта связь является исконной и определяет природу этого типа.

Материальная близость современного суф. *-ad* праславянскому **-jadь*, представленному в общеславянском собир. **čeljadь* 'семейная задруга' ~ 'семья (исключая родителей, главу семьи), дети, дворовые, домочадцы, прислуга, работники' (ст.-слав. чѣлада *θεραπειᾶ familia*, др.-рус. челядь 'рабы, слуги, домочадцы', ст.-серб. чѣлада, совр. чѣљад 'челядь, домочадцы, люди (слуги, работники)', словен. *čeljad* то же, болг. челяд 'дети, потомство', 'семья, домочадцы', 'семейная задруга' (ист.), макед. чѣлад 'дети' (обычно о своих) и собир. чѣладија то же, чеш. *čeledь* 'прислуга, дворян, люди', зоол. 'род', бот. 'семейство', словац. *čel'ad* то же, польск. *szeladź* 'слуги, домочадцы', 'работники', 'подмастерья и ученики у мастера', в.-луж. *celedź* 'прислуга, челядь', н.-луж. *celaź* то же), не вызывает сомнения. Очевидно, по крайней мере для современного языкового сознания, тождество типа *-ad* в совр. с.-хорв. чѣљад, словен. *čeljad*, с одной стороны, и в приведенных именах собирательных, — с другой. Фактом, указывающим на парадигматическое единство типа, является наличие у собир. чѣљад корреляции с формой единичности чѣладе, *-eta* 'человеческое существо — лицо, член семьи'. Следовательно, собир. чѣљад вместе с остальными именами собирательными на *-ad* образует единый парадигматический класс имен существительных.

Но значит ли это, что сербохорватско-словенский тип на *-ad* является праславянским наследием? Такой вопрос вполне уместен, так как ни одному другому славянскому языку, кроме сербохорватского и словенского, современный суффикс собирательности *-ad* не известен. Что же касается собир. челядь, то оно относится к одному из древнейших типов собирательности праславянского языка и образовано от индоевропейской основы **qel-* 'племя'², самостоятельно не употреблявшейся уже в праславянский период, но отраженной в производных *колѣно* «поколение, потомство, род» и *чловѣкъ*, др.-рус. *человѣкъ* < **čelovĕkь* (сложение из **čel-* и **vĕkь*, вторая часть этимологически менее ясна, наиболее вероятным кажется сближение с лит. *vaikas* 'дитя', жемайт. *vaikis* 'слуга, работник, батрак', отсюда возможное первоначальное значение 'член племени', 'принадлежащий семейной задруге', 'челядин'). Еще в праславянский период собир. **čeljadь* утратило характер

¹ См.: *Frančić V. Budowa słowotwórcza serbskochorwackich kolektywów. Kraków, 1961, с. 24.*

² Обобщающие данные об этимологии слова чѣљад и библиографию см.: *Skok I, с. 305—306.*

морфологической производности вследствие забвения производящей основы и непродуктивности суффикса *-ядь*. Во всех славянских языках это слово стоит особняком от других имен собирательных, представляя собой давно утраченный словообразовательный тип праславянской категории собирательности. Не только в современных, но и в древних славянских языках, можно назвать лишь единичные имена собирательные с суф. *-ядь*, напр., рус. *рухлядь* (от основы *рухл-*, ср. др.-рус. *рухло* 'движимое' (имущество), польск. *ruchliwy* 'подвижной', *ruch* 'движение'). Этимологически суффикс собирательности *-ядь* сближается с обобщающе-качественным суффиксом *-ядь* в таких отадъективных именах существительных, как рус. *мокрадь*, *пестрядь*, *чернядь* и под. Отвлеченные существительные этого типа, тоже редкие, есть в сербохорватском и словенском языках, например, с.-хорв. *divljacāđ* 'дикость', словен. *gnilad* 'гниль, гнилье' (ср. рус. *гнилядь*), также обобщенно-собр. *zrelad* 'зрелое', *živad* 'скот' и т. п. Такое сближение допустимо, если принять во внимание то, что древнейшие суффиксы, специализированные в словообразовательной функции собирательности, первоначально характеризовались синкретизмом значений и совмещали идею качества, свойства, отношения, принадлежности или места с представлением о лицах или предметах, объединенных указанными признаками. Ср., например, суф. *-ин-а*, исконно выражавший общее значение отношения, принадлежности, причастности к чему-либо, но вместе с тем и отдельности, выделенности из целого. На основе этого общего, синкретичного значения как результат разрешения диалектического противоречия в семантике (отнесенность к целому и отделенность от него) развились конкретные и более частные значения: 1) из значения причастности, принадлежности и отнесенности — значения собирательности, например собр. *дружина* 'товарищи, спутники', и вещественности, например: *говядина*, *баранина*, *свинина*, ср. лат. *agnina* (саго) 'ягнятина' (*agnus* 'ягненок'), *arietina* (саго) 'козлятина', *ovina* (саго) 'баранина' (*ovis* 'овца') и т. п.; 2) из значения выделенности и отдельности развились значения единичности, например: *соломина*, *тернина*, аугментативности, например: *доми-на*, в сказах Бажова: *малахитина* 'монолит малахита', и на этой основе — значение пейоративности. Не менее убедительно этот процесс иллюстрируется более поздним типом вещественно-собирательных существительных на *-ник (-няк)* в русском языке. Праславянский суффикс **ъn-икъ*, соединивший суффикс относительных прилагательных *-ъn-* и суффикс уменьшительности *-икъ*, выражал локально-собирательные значения типа 'место, поросшее растениями определенной породы, названной производящей основой', например, ст.-слав. и др.-рус. *чръвникъ* 'луг', *цвѣтъникъ*, др.-рус. *жмѣльникъ* и т. п. В современных славянских языках это значение сохранилось, например, рус. *березник* — *березники*, *ельник* — *ельники*. Формы мн. ч. связаны с выражением локальности. Но особенность этого типа в русском языке состоит в том, что он развил наряду с указанным еще и вещественно-собирательное зна-

чение 'лес как поделочный материал', 'порода леса', 'дрова', например: *наломать ельнику, заготовить дубнику, нарубить березнику*. По данным диалектных словарей, этот тип весьма продуктивен в народной терминологии крестьянских промыслов.

Суффиксальный элемент *-d-*, опорный в суффиксе *-ядь*, этимологически вычленим и в некоторых других, праславянских по происхождению именах существительных, например в локально-собр. *стадо* (от корня **sta-*, ср. глагол *стати*), в слове **goveđo*, которое, как можно предположить, обобщало значения единичности 'бык, корова' и собирательности 'стадо крупного рогатого скота', 'рогатый скот'; др.-рус. *говадо* 'бык', мн. ч. *говада* 'рогатый скот' и 'стадо крупного рогатого скота', болг. *говедо*, с.-хорв. *гдведо* 'голова крупного рогатого скота (корова, бык, буйвол)', мн. ч. *гдведа* 'крупный рогатый скот', словен. *govedo* 'крупный рогатый скот', макед *говедо* то же, ср. лит. *gòvėda* 'стадо, толпа, стая'³. Первоначальная основа слова отчетливо сохранилась в тадж. *гов* 'корова, бык', ср. также др.-инд. *gāūṣ*, лтш. *gūovs* 'крупный рогатый скот' и др. Вероятно, и собир. *господа*; образованное, как предполагается, из **g(h)ostis* 'гость' и **potis* 'хозяин', ср. др.-инд. *pātis* 'господин, муж', греч. *πῶρις* 'супруг', лат. *potis* 'могущий', лит. *pats* 'сам, супруг', лтш. *pats* то же, оформлено локально-собрательным суффиксом **-d-a*. Как можно судить на основе сравнительных данных, в этом слове первоначально совмещалось несколько значений: 1) локально-предметное 'кров, приют, дом хозяина'; 2) личное 'хозяин, господин' (приютивший гостей); 3) собир. 'господа, хозяева', хотя уже в старший письменный период эти значения дифференцированы. Ср. ст.-слав. *господа* 'кров, приют, гостиница', др.-рус. *господа* собир. 'господа', но также и 'господство, власть, гостеприимство', 'дом, кров', с.-хорв. *господа* собир. 'господа', словен. *gospoda* то же, ст.-чеш. *hosпода* 'хозяйский дом, приют, кров, корчма' и 'пан, господин', ст.-польск. *gosпода* 'кров, дом, подворье', ср. венг. *gazda*, заимствованное из южнославянского *gospoda* 'хозяин дома', 'зажиточный крестьянин'. Все это дает основание предположить, что суф. **-ядь* является одной из модификаций древнейшего праславянского суффикса собирательности с исконным локально-собрательным значением.

По-видимому, слав. **čeljadь* в старший праславянский период выражало идею общего числа, совмещая значения собирательной множественности и единичности. Об этом могут свидетельствовать венг. *család* 'семья' и *cseléd* 'семья', а также 'член семьи, слуга, работник, батрак' — варианты заимствованного у южных славян *čeljad*. С. Линде в словарной статье *czeladź* среди соответствий польскому в других славянских языках приводит хорв. собир. *chelyád*

³ Это согласуется с определением О. Н. Трубачева: «... слав. **goveđo* совмещало в себе значения общего названия без различия пола (архаическое) и собирательного». — Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, с. 37.

и указывает два значения этого слова: 'семья' и 'лицо' (persona). Здесь же названо дубровницкое *cegljad* в значениях persona, gens, patio ⁴. Показательно также, что уже в древних памятниках письменности славянских языков это слово употребляется и во мн. ч., выражающем идею расчленяющей, раздельной множественности, например, др.-рус. О *челадѣхъ*: аже *челадинъ* съкрыеться... Рус. Прав. Яр. по Син. сп. ⁵, или подчеркнутой множественности, например, ст.-чеш. *wzmodle ťye gemu wfieczky czeledy ludťke* ⁶. Образование мн. ч. возможно при соотносительности слова в ед. ч. с единичным денотатом.

Специальное исследование убеждает, что славянский материал дает возможность представить развитие грамматической категории числа, образуемой парадигмами форм ед. и мн. ч., от первоначального синкретичного понятия общего числа, которое выражалось не грамматическим, а лексическим, словообразовательным способом. Праязыковое значение общего числа можно предположить в ряде древнейших славянских типов имен собирательных, например в образованиях на -ь (< *-ĭ-) типа **l'udъ* 'люди' и 'человек', **děť* 'дети' и 'дитя', ср. ст.-серб. собир. *дѣтъ* и чеш. морав. *děť* 'дитя' ⁷. Деминутивы типа ст.-слав. *дѣтиштѣ* или *дѣта* являются относительно поздними, хотя и праславянскими образованиями. Значение общего числа выражало слав. *дружина* 'товарищ', 'спутник' и 'товарищи, спутники', др.-рус. 'дружина князя'. В первом значении это слово менее известно, например, др.-рус.: *Имѣа подѣ собою дружинъ. ѿ.*, с ними же разбои творяше. Прол. XIII в. 165 ⁸.

Дифференциация значений в процессе абстрагирования количественных представлений вызвала образование специальной сингулятивной формы: ст.-слав. и др.-рус. *челадинъ*, ст.-серб. *челадинь*, чак. *чејадѿн*, ст.-чеш. *čeledin*, ст.-польск. *czeladzin* и т. п.

Возвращаясь вновь к поставленному ранее вопросу, приходится констатировать, что материальное тождество само по себе не объясняет действительной связи современного суффикса *-ad* с праславянским **-jadъ*. Неясно прежде всего, можно ли считать эту связь генетической, означает ли тождество общность происхождения. А. Белич отрицал влияние собир. *чѣлѣд* на формирование типа собирательности *-ad* в сербохорватском языке ввиду его этимологической неясности и словообразовательной непрозрачности ⁹. Ученые, утверждающие связь этих типов, никаких иных аргументов, кроме материальной общности, не называют. В целом вопрос остается нерешенным.

⁴ *Linde* I, с. 362.

⁵ *Срезневский* III, стб. 1496.

⁶ *Žaltář Wittenberský*. K tisku připravil Dr. Jan Gebauer. V Praze, 1880, XXI, 28, I. 31^b.

⁷ *Bartoš* I, с. 56.

⁸ *Срезневский* I, стб. 731.

⁹ *Белич* Ал. Савремени српскохрватски књижевни језик, II део. Београд, 1950, с. 38.

Сербохорватско-словенский тип собирательности на *-ad* характеризуется рядом примечательных особенностей. Несомненно природу этого типа определяет соотносительность с демиnutивными формами на *-e* (< *-e* < **-ent*-). В других славянских языках ему соответствуют формы мн. ч. на **-enta*: ст.-слав. жрѣбѣта, осллаѣта, гелѣта, рус. *гусята, утята, ребята*, болг. *агнета, пилета, телета, прасета* (но наряду с ними также и формы мн. ч. от другой основы: *пилци, мелци, агънци, прасци*), чеш. *koř'ata, vnoučata, telata, zvířata*, польск. *gąsięta, jagnięta, koźięta, kurczęta, piskięta, cielęta*. Хотя это формы мн. ч., они также являются собирательными понятиями и характеризовались синтагматическими признаками имен собирательных — сочетаемостью с собирательными формами числительных в счетно-количественных значениях. Ср. *трое козлят*, но *три козленка*. То же свойство исконно отличает и собирательные ед. ч., например с.-хорв. *троје чельади*.

Собирательные существительные на *-ad* в современных сербохорватском и словенском языках выступают в роли выразителей множественности и, следовательно, непосредственно включены в грамматическую парадигму категории числа. У существительных *дѣте, пѣле, јѡгъне, тѣле, ждрѣбе* и др., — пишет М. Стеванович, — нет правильных форм мн. ч., в качестве мн. ч. к ним употребляются имена собирательные на *-a* и *-ad*: *дѣца, пѣлѡд, јѡгънѡд* или формы мн. ч. муж. р. *пѣлѡци, јѡгънци, тѣоци* и т. д.¹⁰ В соответствии с указанной функцией имена собирательные на *-ad* в ряде говоров сербохорватского языка в дат., твор. и местн., а иногда также и в род. падежах принимают окончания форм мн. ч. и употребляются, таким образом, в ед. и во мн. ч. Ср., например: мн. ч. дат. п. *к својим јагњадима*, твор. п. *са својим јагњадима*, местн. п. *о својим јагњадима* и ед. ч.: *к својој јагњади, са својом јагњади, о својој јагњади*. А. Пецо, обобщивший диалектологические данные по штокавскому наречию, отмечает, что формы мн. ч. распространены большей частью в восточной и южной Черногории, а в поцерском и восточногерцеговинском говорах приняты также формы мн. ч. и в род. п. (наряду с формами ед. ч.), например поцерские *тѣлѡди, ждрѣбѡди*, восточногерцеговинские *јѡрѡди, тѣлѡди* и т. п.¹¹ Очевидно, что корреляция формы на *-e* в значении единичности и формы на *-ad* в значении собирательной множественности, составивших парадигматический ряд форм числа, вместе с указанной функцией этих имен собирательных способствовала распространению собирательного форманта *-ad* среди неодушевленных основ на *-e*, например: *буре* 'бочка' — *бурѡд, нарче* 'осколок, черепок' — *нарѡд, ујѡе* 'веревка, канат' — *ујѡд* и т. п. Это свидетельствует об

¹⁰ Стевановић М. Савремени српскохрватски језик, I. Београд, 1970, с. 228.

¹¹ Пецо А. Облици колективних именица на *-ad*. — Наш језик, Нова серија (Београд), 1956, кн. VII. св. 7—10, с. 236—237.

универсализации типа собирательности в формально-грамматической функции форм мн. ч.

Важным аспектом проблемы является хронологизация образований на *-ad*. Все они позднего образования — в основном XVII—XVIII вв. Только единичные, например, *gǎmād* 'пресмыкающиеся, гады', 'вредные насекомые, паразиты' (ср. глагол *gǎmziti* 'ползать'), отмечены в письменности XVI в. Фактически нет оснований относить формирование этого типа к более раннему времени. В XVI в. образуется сингулятив *чельáде*, род. п. *чельáдета*, ср. р., 'член семьи'¹², по отношению к которому собир. *чельáд* является формой мн. ч. Образцом для этого новообразования послужил деминутивный сингулятив *дѣте*, род. п. *дѣтета* 'дитя', соотносительный с именем собирательным *дѣца* (из уменьш. собир. *дѣтъца*) в функции мн. ч. 'дети'. Ср. также уменьш. *чельáца* (< **čeljadьsa*). Показательно, что основная масса имен собирательных на *-ad* связана с выражением понятия 'молодые живые существа'. Это составляет семантическое основание для аналогии. В праславянском языке, а затем и в период самостоятельного развития древних славянских языков имена собирательные функционировали как формы выражения мн. ч., восполняя тем самым недостаток в формализованных средствах. Особенность сербохорватского и словенского языков состоит в том, что эта функция имен собирательных сохранилась и в настоящее время наряду с развитой системой грамматических форм числа. С реализацией этой функции и связано развитие типа имен собирательных на *-ad*. Итак, формирование данного типа собирательности объясняется системно-структурными (парадигматическими) и семантическими связями, в которые включались, с одной стороны, собир. *чельáд*, получившее значение 'семья, дети', и образованный от него сингулятивный коррелят ед. ч. *чельáде*, а, с другой стороны, деминутивные формы на *-e* типа *дѣте*, *пйле*, *прасе*, *тѣле* и т. п. (тот же тип, что и *чельáде*), которые, как уже отмечено, не имели своей, морфологически правильной формы мн. ч. Парадигматическое отношение *чельáд* — *чельáде* стало образцом для формирования нового ряда имен собирательных с функцией форм мн. ч. и находится у его основания. По аналогии к этой паре имена существительные на *-e* типа *јáгъе*, *пйле*, *тѣле* и т. п. образовали формы на *-ad*: *јáгъад*, *пйлáд*, *тѣлáд*, тогда как формы мн. ч. муж. р. типа *јáгъаъци*, *тѣоци*, *прасци* и т. п. в словообразовательном и формально-грамматическом отношении соотносительны с иными формами ед. ч.: *јáгъаъц*, *тѣлац*, *прасац* и т. п. Парадигматические связи оказываются, таким образом, структурным фактором, регулирующим формообразование. Итак, тип собирательности *-ad* при генетической связи его с морфологической моделью, отраженной в праславянском собир. **čeljadь*, может быть определен как сербохорватско-словенское новообразование, сформир-

¹² См.: RJA I, с. 931.

ровавшееся в результате оживления, возрождения в системах данных языков древнейшего славянского суффикса собирательности *-*jadь* вследствие включения собирательных форм этого типа в парадигму числа на основе функции выражения множественности.

В. А. Меркулова

РУССКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. V

осетоваться

В картотеке Печорского областного словаря имеется очень интересное слово *осетоваться* 'поселиться'. Слово не отмечается в русских диалектных словарях и картотеках, нет сведений о таком слове и в этимологической литературе.

Если мы рассмотрим структуру глагола, то перед нами отыменное образование. В основе его должно лежать имя **осет* или **осеть* 'поселение'. Возможность того, что в основе лежит существительное женского рода, подтверждается отношениями *печаль* — *печаловаться*.

В этом случае ближайшим родственным образованием будет слово *осеть* 'сушильня для зерна, часть овина'. *Осеть* — белорусское слово, оно распространено на территории Белоруссии и в пограничных говорах польского, русского и украинского языков. Блр. *асэць* 'овин': *Асець* насадили пшеницы; *Осеци* четыре будущь овса; *осётка* 'небольшой овин', *осётный* 'относящийся к овину': *осётные* снопы¹; *садзиць асэць* — расставлять снопы «на цапки» в нагретой осети для просушивания перед молотьюбой²; укр. *бсить* 'сушильня для зернового хлеба' (Черн. у.)³.

Даль дает слово *осеть* как западное, т. е. белорусское слово: *осётъ* ж. 'овин, рига, клуна, пелевница'; *осётъ* (псков.) 'озород, островина, остров'⁴. В русском языке слово *осеть* зафиксировано в псковских, смоленских и частично тверских говорах: *асётъ* 'овин', 'печь в овине'⁵; *асётъ* 'часть овина, в которую кладут снопы для сушки' (смол.); 'ток' (калин.)⁶.

Слово *осеть* не имеет общепринятой этимологии. Фасмер не принимает высказанные до него этимологии⁷; Брюкнер с сомнением предлагает сопоставление польского *osiec* со старославянскими словами *сетанъ* и *псѣтити*⁸. Ж. Ж. Варбот возводит слово

¹ Носович, с. 367.

² Нар. лекс., с. 136.

³ Гринченко III, с. 66.

⁴ Даль³ II, стб. 1803.

⁵ Смоленск. словарь 1, с. 87.

⁶ Филин 1, с. 284.

⁷ Фасмер III, с. 159.

⁸ Brückner, с. 383.